

Предисловие

Это не научно-фантастический роман.

1

Ну и времена пошли, подумал Чеслав Комар, глядя в зеркало заднего вида своего старенького “мерседеса”. Раньше с пассажирами хоть поболтать можно было. Порой о серьезных вещах, порой — что уж греха таить — о всякой ерунде, но какое-никакое человеческое общение, какая-никакая связь. А теперь все только пялятся в свои телефоны, как будто его тут вообще нет, а такси едет само. Этот вот даже слова не сказал, мол, много чести. Сидит себе и тычет в телефон, скоро дыру в нем протрет, а вид такой, будто неделю не спал. Нет, не удержусь.

— И что ж у вас там такого интересного в телефоне?

Пассажир молчал. Глухой, что ли? А может, иностранец? Такая мысль в голову не пришла, а ведь тип выглядит и правда странновато.

— Скажем, музыку слушаю, — ответил наконец мужчина, не отрывая взгляда от экрана. — Помедленнее, пожалуйста.

Музыку? Удивился Чеслав Комар, слегка нажимая на тормоз. А почему же тогда ничего не слышно? И наушников нет. В голове, что ли, у него музыка играет?

Он что, провода себе туда засунул? Но больше Комар вопросов не задавал. Было в голосе мужчины нечто, от чего желание вести с ним беседы пропадало.

Леон Новинский чувствовал, что соус хот-дога протекает на дно бумажного пакета. Еще чуть-чуть — и соус потечет на манжету отутюженной рубашки. Леон с трудом запихнул остатки хот-дога в рот, бросил липкий от горчицы пакет на пол и вытер руку о пассажирское кресло. “Больше никогда, — мысленно пообещал он себе, глотая тошнотворное месиво, — никогда не буду откладывать будильник”.

— Привет, привет, Варшава! — раздался веселый голос из радиоприемника. — Как вы там? Уже на работе? Надеюсь, что да, потому что машин на дорогах прибывает. На улице Марса и Пулавской уже пробки, там вы потеряете минимум пятнадцать минут. Снять ногу с газа придется и на аллее Примаса Тысячелетия¹...

Услышав знакомое название, Леон машинально взглянул, что творится на другой стороне дороги. На аллее и правда уже образовалась пробка. Сотни автомобилей, точно гигантский ледник, ползли в сторону центра, неистово сигналив машинаам, вливающимся в поток из боковых улочек.

К счастью, Леон ехал в противоположном направлении, в сторону районов Таргувек и Жерань. Там высились многоэтажки с фасадами невнятных цветов, а ветшающие фабрики оккупировали различные конторы, названия которых непременно оканчивались на “екс” или “пол”. Леон работал в одной из них, фир-

¹ “Примасом тысячелетия” в Польше называют кардинала Стефана Вышинского (1901–1981). Благодаря ему в 1966 году в коммунистической Польской Народной Республике широко отмечалось Тысячелетие крещения Польши. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ме под названием *DietPol*. И если верить навигатору, он будет на месте в 07:59. То есть примчится на собрание весь в мыле, зато вовремя.

Леон “пришпорил” свою верную “шкоду” (1996 года выпуска, канареечно-желтого цвета, ароматизатор-елочка на зеркале) и въехал на трассу S8. Парусили брезентовые кузова грузовиков, из-за серых шумозащитных экранов торчали кресты и скорбные ангелы военного кладбища, по надземному переходу катили велосипедисты в светоотражающих куртках. Леон быстро перестроился в левый ряд. Спидометр показывал сто десять, а через секунду сто двадцать километров в час — превышение тридцать километров.

Леон тихо выругался. Он терпеть не мог нарушать правила. Ладно еще, если есть серьезная причина. Будь сегодняшняя встреча важной — куда ни шло. Но ведь *DietPol* — не больница, где проводят пересадку сердца, и даже не юридическая фирма, где адвокаты продумывают линию защиты невиновного клиента. Нет, *DietPol* был производителем низкокалорийных закусок и напитков, а темой дня была новая этикетка для сока из квашеной капусты, над которой трудился Леон. Последняя версия этикетки начальству не понравилась. “Какая-то никакая, — поморщился Михал, занимающий должность с громким названием продакт-менеджер, — нам нужно что-то посовременнее, помолодежнее”. Молодежный сок из квашеной капусты — Леон скривился от одного только воспоминания. Вот уж действительно, загнивающая западная цивилизация.

Желтая “шкода” въехала на мост Грота-Ровецкого. Леон взглянул в сторону центра: небоскребы, окружавшие Дворец культуры, были едва различимы. Смог над городом с каждым днем сгущался и предвещал

приближение осени неумолимее, чем краснеющие листья.

Леон повернул на съезд на Ягеллонскую улицу — и вдруг подпрыгнул в кресле, услышав сзади громкое, настойчивое бибикание. Прямо за ним ехал дорожный джип: черное матовое покрытие, именной номер WO MINDAL. Снова загудел клаксон, моргнул дальний свет — международный сигнал для “прочь с дороги” и “я придурок”.

— Ты что, не видишь, что рядом автобус, кретин! — заорал Леон, щурясь от яркого света. — Куда мне съезжать, а?!

Сзади бешено сигналили и моргали. Вообще-то Леон был мужчина вежливый и воспитанный: даже в спешке придерживал двери незнакомым людям, жертвовал деньги на благотворительность, покупал яйца только от кур свободного выгула. Но на сей раз он не сдержался.

— В жопу меня поцелуй, мудила! — крикнул он, а затем открыл окно и выставил средний палец. В зеркале было видно, как водитель джипа, мужик лет пятидесяти, в модном свитшоте с асимметричным верхом, орет и долбит кулаком по приборной доске. Леон довольно улыбнулся. Да хоть оборись ты, придурок.

Джип взревел, ускорился и опасно приблизился к “шкоде”, едва не коснувшись ее бампера. Леон вжал педаль газа в пол, но куда было его машинке соревноваться с черным монстром, мчавшимся со скоростью двести километров в час.

— Черт... — охнул Леон. — Он же в меня врежется!

К счастью, водитель автобуса на соседней полосе, должно быть, заметил, что происходит, потому что резко затормозил, тем самым позволив “шкоде” уйти

вправо. Леон крутанул руль и съехал с пути сигналившего джипа, чудом избежав столкновения.

Леон судорожно искал в сумке телефон, не отрывая взгляда от удаляющейся машины. Ключи, офисная карта, книжка, жевательная резинка... Наконец нащупал стеклянный экран смартфона. Достал его, набрал три цифры, 1-1-2, нажал зеленую трубку.

— Ну погоди, ублюдок, — бурчал себе под нос Леон. — Ты еще пожалеешь, что...

Слова застряли у него в горле. Черный джип не стал поворачивать, а помчался прямо и на полной скорости врезался в ограждение. Грохот, скрежет, искры. Автомобиль весом в несколько тонн проломил ограждение и рухнул вниз на Ягеллонскую улицу.

Леон на автомате остановил “шкоду” и вышел из машины. Он недоверчиво смотрел на искореженный джип, лежащий посреди стеклянных осколков. Мимо него с огнетушителем в руках пробежал водитель автобуса, его красный галстук трепыхался на ветру.

— Алло! Алло! — женский голос вырвал Леона из оцепенения. — Это номер сто двенадцать, говорите!

— Я хотел... — Леон нервно сглотнул. — Я хотел сообщить об аварии.

Юлита Вуйчицкая смотрела на буквы на экране компьютера. Буквы упорно светились зеленым. Плохо.

— Ну, давай, давай... — шептала она, вертя в пальцах обгрызенный карандаш.

— А я тебе говорил, — сидящий рядом Пётрек отпил чаю, после чего вытер модные усыки. — Даже наши читатели не поведутся на такой топорный кликбейт.

— Ха! — Юлита победно вскинула руки над головой. — Смотри!

Фон под заголовком стал красным. Значит, за последнюю минуту по меньшей мере тысяча пользователей перешли по ссылке и открыли статью Юлиты под драматическим названием “ИЛОНА ЗАЙОНЦ ПОКАЗЫВАЕТ ФОТОГРАФИИ В БИКИНИ: Я НЕ БУДУ МОЛЧАТЬ, КОГДА ХЕЙТЕРЫ ОБЗЫВАЮТ МЕНЯ ТОЛСТУХОЙ [ФОТО]”. А это означало, что текст появится не только в малопопулярном разделе “Культура”, но и на главной странице портала.

Пётрек ничего не сказал, лишь театрально вздохнул и отвернулся к своему компьютеру. Юлита понимала его раздражение. За последнюю неделю ему не удалось написать ни одного кликабельного текста. Его статьи “ПОСМОТРИ, КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ЗВЕЗДЫ «КЛАНА»”, “ЖУТКОЕ ОТКРЫТИЕ ГРИБНИКА”, “МИШКА КОАЛА КАТАЕТСЯ НА САНКАХ” светились зеленым, а иногда, о ужас, голубым, что означало полное отсутствие интереса со стороны пользователей. Хуже того: над каждым текстом Пётрек корпел часами, без конца менял порядок слов, подыскивал синонимы и неизбитые выражения. А Юлита настрочила материал об Илоне Зайонц за пятнадцать минут, с перерывом на перекур.

Девушка встала из-за стола, потянулась и отправилась на кухню. Красный текст есть — можно выдохнуть: дневную норму она выполнила. В дешевом чайнике, изнутри обросшем накипью, забулькала вода, кофейные гранулы растворялись в кипятке, распространяя приятный аромат. Юлита взяла в руки ярко-красную чашку с фиолетовой надписью MEGANEWSY.PL, сделала глоток кофе и окинула взглядом офис.

С десяток белых столов, гудящие компьютеры, клацание мышек и голубоватое свечение, отражающееся в стеклах очков. На стене два больших монитора, один

из них показывал главную страницу портала с наложенной тепловой картой, которая с помощью цвета определяла популярность конкретных текстов; второй — круглосуточный новостной канал. В противоположном конце три отгороженные стеклянными стенами комнаты (начальство, кадры, компьютерщики), в углу — принтеры и сканер, за окнами — улица Кибернетики и пасмурное небо в ажурных стрелах башенных кранов.

Карьеру журналиста Юлита представляла себе совсем иначе. Она мечтала работать в каком-нибудь известном издании: “Газете Выборчей”, “Политике”, “Ньюсвике”. Жаркие споры на утренней планерке, сдача материала в три часа ночи, встречи с политиками в утопающем в сигаретном дыму ресторане при Сейме¹, анонимный информатор в плаще, выкладывающий папку с данными на липкий барный столик, — что-то в этом роде. Она даже устроилась куда-то на стажировку, правда бесплатную. Три месяца перекладывала бумаги, приводила в порядок архивы и модерировала форумы в интернете в надежде, что ее кто-нибудь заметит, возьмет под крыло. Но в крупных изданиях стажеров и так хватало, в том числе из золотой варшавской молодежи с влиятельными родителями. На их фоне Юлите, девушке из кашубского городка Жуково в шмотках из секонд-хенда, ловить было нечего.

Потом она увидела объявление от портала *Mega-news.pl*. Ищали журналиста в отдел “События”, обещали молодой коллектив, /конкурентоспособную зарплату, интересные командировки. Редакция в модном офисном здании, главный редактор сразу перешла с ней на “ты”, смеялась ее шуткам. Казалось, вакансия мечты.

1 Нижняя палата парламента Республики Польша.

Разумеется, стоило ей приступить к работе, как иллюзий поубавилось. Вопреки ожиданиям Юлиты, отдел “События” не интересовали, скажем, пожары в Греции или выборы в органы самоуправления. Под событиями здесь понимали просвечивающее платье на малоизвестной актрисе или новое селфи победительницы последнего сезона очередного телешоу. В общем, Юлита попала в желтое интернет-издание, измерявшее успех исключительно количеством просмотров сайта, а точнее, размещенной там рекламы. А коллектив? Да, молодой... и неопытный. Зарплата могла конкурировать разве что с такими же жалкими зарплатами в прочей бульварной прессе и зависела от показателей, а вдобавок с Юлитой заключили срочный договор.

Но она не жаловалась: в отличие от большинства сокурсников (факультет журналистики и социальной коммуникации Университета социальных и гуманитарных наук) она все-таки зарабатывала на жизнь пером. Гордиться публикациями не приходилось, зато писала она легко, и у нее явно был талант. А кроме того... в состав медиахолдинга ITVV, владельца “Мега-ньюсов”, входили и другие издания, в том числе влиятельный и солидный еженедельник “Попшек”, занимавший офис этажом выше.

Юлита допила кофе, вымыла чашку старой вонючей губкой, которую никому не хотелось менять, и вернулась за свой стол. Уселась по-турецки на скрипучий стул, вставила в уши наушники и принялась листать профили звезд второй и третьей величины в поисках новой темы.

Рядовой Радослав Гральчик шел по мокрому асфальту, медленно разворачивая ленту с надписью “ПОЛИЦИА” вокруг места происшествия. За его спиной ле-

жал искореженный черный джип. Автомобиль рухнул на проезжую часть с высоты пятнадцати метров, перевернулся в воздухе и упал на бок. Водитель не выжил. Он не мог выжить.

Но рядовой Радослав Гральчик не обращал внимания на груды металла, на хрустящее под тяжелыми ботинками стекло, на запах машинного масла, бензина и крови. Во-первых, потому что он работал в дорожной полиции третий год и успел насмотреться аварий, пускай и не таких зрелищных, как эта. Во-вторых, мыслями он был далеко.

“Вот дерьмо, — выругался он, шагая по сверкающему от голубого света мигалок асфальту, — и как теперь быть?” Его жена Алиция уже некоторое время чувствовала себя не очень. У нее болела голова, постоянно хотелось спать, пропал аппетит. Поначалу они решили, что это какой-то грипп, осенняя хандра или, скажем, переизбыток глютена в рационе. Пока, наконец, кто-то из них вслух не произнес то, что давно вертелось на уме у обоих: а вдруг Аля беременна? Она принимала противозачаточные таблетки, поэтому шансы были ничтожны, но... Когда в то утро она вышла из ванной в слезах, нервно теребя пояс халата, он уже знал, что показал тест: две полоски. А ведь все это время Аля пила алкоголь, курила, принимала кучу лекарств... Потом они вычитали, что, возможно, как раз антибиотики и нарушили действие контрацептивов. Ничего не поделаешь, винить, кроме самих себя, было некого, ведь любая реклама лекарств заканчивается предостережением-скороговоркой: *перед употреблением следует ознакомиться с инструкцией*.

Даже с одним ребенком они еле-еле сводили концы с концами. Он зарабатывал смехотворно мало, а Аля — учительница географии в техникуме — и того меньше.

Жили они в однушке, доставшейся ему по наследству от бабушки, буквально друг у друга на головах: сидя втроем за столом в микроскопической кухне, задевали друг друга локтями. Аля предложила переехать обратно к ее родителям, в их дом в Яблонне. Радослав решительно отверг предложение, употребив выражения, которые не пристало произносить сотруднику службы правопорядка.

Оставался еще один выход: аборт. Слово, которое в Польше произносят только шепотом, только дома, не глядя друг другу в глаза, повернувшись спиной к висящему на стене распятию. Еще вчера Радослав был ярким противником подобных операций. А сегодня утром уже подсчитывал, во сколько им обойдется поездка Али в клинику в Чехии¹. Ответ был неутешительный: на поездку уйдет гораздо больше денег, чем оставалось на их сберегательном счету. А время шло...

Три тысячи злотых. У Радослава была неделя на то, чтобы раздобыть деньги. Если не получится — можно уже заполнять заявление на программу “500+”². Но где взять столько бабла? Он даже готов был просить помощи у Бога, но повод все-таки был не самый подходящий.

— Эй, Радек! — окликнул напарника Ярек, вечно улыбающийся парень с румянцем во всю щеку. Он сидел на корточках возле джипа и заглядывал внутрь. — Иди-ка сюда!

Рядовой Радослав Гральчик привязал конец ленты к фонарному столбу и подошел к разбитой машине.

1 В Польше действует один из самых строгих в Европе законов об абортах. Аборты запрещены за исключением случаев, когда беременность угрожает жизни матери или наступила в результате изнасилования.

2 Стартовавшая в 2016 году государственная программа помощи семьям с детьми.

Из окна торчала рука погибшего: на ней поблескивали дорогие часы, секундная стрелка подрагивала на одном месте.

— Чего там? — в тоне Гральчика звучало скорее нетерпение, а не любопытство.

— Взгляни, — гордо сказал Ярек, точно фокусник, который вот-вот достанет кролика из шляпы. — Узнаешь чувака?

Радослав Гральчик заглянул внутрь. Казалось, мужчина, вжавшийся в подушку безопасности, сладко спит. И только при взгляде на раздавленные ноги и окровавленную рубашку становилось понятно, что от этого сна ему уже никогда не очнуться. Гральчик внимательнее взглянул на его лицо. Чуть вздернутый нос, крупные полные губы, родинка, спрятавшаяся в бровях... А ведь и правда, где-то он его уже видел.

— погоди, погоди, — его вдруг осенило. — А это не тот тип с телевидения? Бочек?

— Бучек! Рысек Бучек! — заулыбался в ответ Ярек. — Прикинь? Интересно, куда это он так торопился...

Гральчик уже не слушал. Он встал, отряхнул руки, быстрым шагом направился в сторону припаркованной на обочине патрульной машины.

— Эй! Ты куда?

— Перекурить, — сказал рядовой Гральчик и достал из кармана телефон.

Юлита сидела и размышляла, что бы ей такого написать. Она уже усвоила, что лучше всего кликаются статьи одной из трех категорий: “пух и прах”, “шок и недоверие” и “догадки и домыслы”. Проще всего писать тексты первой категории. Берем чей-нибудь двусмысленный, занятный или даже обычный комментарий — скажем, Гертых проехался по Куртеку или